

УДК 3.32 (32.019)15

РОЛЬ И МЕСТО ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ РАБОТЫ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ПРОТИВОБОРСТВЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

© 2017 Г.Д. Задворнов

Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова

Статья поступила в редакцию 07.07.2017

В представленной статье раскрывается роль, место и предназначение идеологической агитационно-пропагандистской работы с населением страны в условиях военного противоборства, сравниваются факторы и условия организации идеологического соперничества в России в годы Первой мировой войны и в СССР периода Великой Отечественной войны. В статье приводятся интереснейшие факты и примеры идеологического противоборства в условиях Ульяновской области (до 1943 г. Ульяновского округа) в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: пропаганда, агитация, идеологические приоритеты, панические настроения, контрпропаганда, советская деревня, духовное единство, партийная пропаганда, морально-политическая готовность, политические цели, самоотверженный труд.

Для того чтобы понять основные задачи идеологической, агитационно-пропагандистской работы в прифронтовых областях СССР в годы Великой Отечественной войны и задачи, которые в ходе этой работы приходилось решать, необходимо сравнить положение России, сложившееся в достаточно аналогичных условиях – в годы Первой мировой войны, чтобы осознать, какие вызовы стояли перед страной и к чему привела внутренняя политика самодержавного правительства, когда идеологическая, агитационно-пропагандистская работа не была должным образом организована.

Как известно, Февральская буржуазно-демократическая революция произошла в России в годы Первой мировой войны. Ее предпосылками были, как отмечали многие исследователи¹, во-первых, значительное ухудшение материально-бытового положения народных масс. Во-вторых, значительное повышение интенсивности труда на предприятиях и в учреждениях в условиях значительного понижения общего уровня жизни. В-третьих, антигосударственная и антиправительственная пропаганда и агитация, а также практическая деятельность оппозиционных сил и откровенно вражеская пропаганда в условиях практического отсутствия противодействия этой экстремистской деятельности со стороны правительства. В-четвертых, усталость военнослужащих на фронтах от многолетней войны и многочисленные материальные и людские потери. В-пятых, усиление национально-религиозных и социальных противоречий. Все эти факторы и стали основными причинами революции, приведшей к краху российской государственности и гражданской войне².

Нападение фашистской Германии на СССР привело в действие негативные факторы, которые могли, в условиях негативного стечения обстоятельств, непринятия мер противодействия со стороны руководства страны, спровоцировать массовые протесты населения, уставшего от тягот войны, что могло привести, по опыту участия России в Первой мировой войне, к крайне негативным социальным и политическим последствиям.

Ряд исследователей-историков, характеризуя социально-политическую обстановку в советском обществе, в том числе и в сельском социуме особенно, накануне и в ходе войны, считают, что еще с довоенных времен было много недовольных Советской властью, которые только и ждали «своего часа», чтобы внести «свою лепту» в антисоветскую деятельность³. Некоторые из них считали, что начало Великой Отечественной войны может предоставить им такую возможность⁴. Все дело в том, что в 1920-1930-е годы советское общество пережило серьезные потрясения, связанные с гражданской войной, многочисленными социальными чистками, раскулачиванием, повальными репрессиями 1937-1938 гг., гонениями на Русскую православную церковь и т.д. Пострадали миллионы людей, многие из которых затаили обиды на Советскую власть.

Именно эти категории стали главными, скрытыми оппонентами советского руководства, как центрального, так и его органов на местах. При организации агитационно-пропагандистской работы они оказывали всяческое как открытое, так и скрытое противодействие, что заставляло вносить в проводимую агитационно-пропагандистскую работу определенные коррективы. Открытое противодействие выражалось в форме бунтов, забастовок и мятежей,

Задворнов Григорий Дмитриевич, аспирант факультета истории и филологии. E-mail: zd@mail.ru

скрытой поддержки засылаемых из-за линии фронта вражеских диверсионно-подрывных групп, создании антисоветского подполья, что для Ульяновской области и Среднего Поволжья в целом не было свойственно.

Мы считаем, что больше имело место скрытое противодействие проводимой агитационно-пропагандистской работе, выражавшееся в распространении злонамеренных враждебных слухов, попытках возбудить пораженческие настроения в колхозной или рабочей среде, подвергнуть сомнению сводки Информбюро, а также неоднократно предпринимались попытки подстрекательства к забастовкам на оборонных и даже аграрных предприятиях, другим формам социального протеста, о чем мы находим подтверждение в ряде опубликованных исследований⁵.

Нападение фашистской Германии стало серьезным испытанием для руководства страны, ее народа. Объективно, в условиях непримиримого вооруженного противоборства, поставившего под вопрос само существование нашего государства, вновь возникли предпосылки для недовольства определенной части населения СССР существующим положением, которая могла воспользоваться тяжелейшим социально-экономическим положением СССР и предъявить к государственно-политическому руководству страны, местным руководителям заведомо невыполнимые, эгоистические требования. О такой вероятности говорили многие исследователи этого периода⁶.

Дело в том, что уровень жизни в СССР, и так невысокий, в годы войны упал катастрофически. Приток беженцев из оккупированных районов, а также эвакуированных сотрудников госучреждений и рабочих оборонных предприятий до крайности обострил жилищную проблему. Все продовольствие в городах строжайшим образом нормировалось и распределялось по карточкам. Рабочие, сотрудники учреждений получали скудную заработную плату, на которую на черном рынке мало что можно было купить, так как цены на продовольствие были очень высокими⁷. Рабочий день на оборонных предприятиях и в учреждениях продолжался долго, сверхурочные стабильно вошли в повседневную жизнь, что в отдельных случаях вызывало недовольство и даже протесты⁸. Города и села были переполнены искалеченными фронтовиками, а военные госпитали – ранеными военнослужащими. Если вспомнить опыт Первой мировой войны, именно военные госпитали были центрами распространения антивоенных настроений⁹.

Положение было чрезвычайно серьезное. Правоохранительные органы нередко были вынуждены пресекать попытки враждебных элементов, агентов влияния – открытых проводников и носителей вражеской пропаганды, по-

сеять смуту и неверие граждан СССР в будущую победу, спровоцировать акции массового неповиновения, митинги, демонстрации антигосударственной направленности, забастовки на оборонных предприятиях в разгар непримиримого противоборства с Германией на фронтах¹⁰.

Подобные попытки нередко предпринимались как в городах, так и в сельской местности. Достаточно вспомнить события в Москве в октябре 1941 года, когда немецко-фашистские войска вплотную подошли к городу Москве. Директор Московской ткацко-прядаильной фабрики А. Сафронов докладывал в райкоме ВКП(б) о том, что на предприятии прошли массовые волнения рабочих. Требования были в основном экономические: платить зарплату каждые два дня, сократить нормы выработки и продолжительность рабочего дня. Массовые волнения произошли и на заводе «Арматура»¹¹. Серьезные волнения происходили не только в Москве, но и в других прифронтовых городах, например в Иваново, когда толпа, возбужденная пущенным, скорее всего, вражеским агентом слухом о взрыве всех фабрик, устроила массовые беспорядки¹². Анастас Микоян, заместитель СНК СССР, в своих мемуарах вспоминает о беспорядках на заводе имени Лихачева. По его мнению, эти выступления были спровоцированы отсутствием правдивых сведений о положении в городе, а также провокационными слухами о том, что «правительство и руководство завода удрали»¹³. О массовых волнениях в Москве и других прифронтовых городах в годы войны говорит и Н. Верт¹⁴.

Если проанализировать все вышеизложенное, то можно с полной определенностью сказать о том, что в прифронтовых областях СССР при определенных условиях могли сложиться предпосылки для оппозиционного противодействия политике Советского правительства, направленной на мобилизацию сил и средств народа на противодействие немецко-фашистскому нашествию. Об этом свидетельствуют и исследования ряда авторов. Например, приводятся примеры о волнениях рабочих на заводе «Красный пролетарий», когда кто-то пустил слух о том, что директор один захватил зарплату и эвакуировался. Рабочие бросили работу и организовали стихийный митинг¹⁵.

Именно враждебные слухи стали главной причиной волнений, как это имело место быть на заводе «Серп и молот», где рабочие разграбили продовольственный и вещевой магазины, одновременно рабочие Таганского мясокомбината полностью разграбили и разнесли по домам найденные на заводе продукты¹⁶. Серьезные события произошли и в городе Приволжске Ивановской области, когда на работу не вышли сотни рабочих, среди которых были даже коммунисты и комсомольцы. Причинами этого

стал приказ о мобилизации по трудовому наряду, когда ни руководство горсовета, ни горком не разъяснили людям суть поставленной ГКО СССР задачи, а в списки мобилизованных попали подростки, беременные женщины, старики-пенсионеры. В толпе раздавались выкрики: «Не пойдем на трудовой фронт!», «Долой Советскую власть!», «Да здравствует батюшка Гитлер!». То есть экономические лозунги в условиях растерянности и непринятия мер противодействия со стороны властей быстро переросли в антигосударственные и даже политические¹⁷.

Злонамеренные слухи нередко циркулировали среди населения, вносили в трудовые коллективы неуверенность и сомнение в победе СССР над фашистской Германией. Приведем некоторые примеры. В следственной практике сотрудников правоохранительных органов военной контрразведки и военной прокуратуры Ульяновского округа встречались и дела особого рода. Нередко приходилось разбираться с фактами, когда некоторые военнослужащие, например Ульяновского гарнизона, других гарнизонов, некоторые из которых дислоцировались в сельской местности, в кругу товарищей допускали высказывания антигосударственного, антисоветского, пораженческого характера. Восхваляли силу и мощь вермахта, негативно истолковывали временные неудачи Красной Армии на фронте. Эти факты имели крайне негативное влияние на настроения как военнослужащих, так и местных сельских жителей в самый тяжелый период Великой Отечественной войны. Поэтому эти факты тщательно расследовались и жестоко пресекались структурами НКВД, органами контрразведки. Многие из них скрывались в целях недопущения их массового распространения и неверной интерпретации. В подавляющем большинстве случаев виновных в такого рода преступлениях военный трибунал¹⁸ приговаривал к расстрелу. А другого в тех тяжелейших условиях, когда в борьбе со смертельным врагом страна напрягала все свои силы, и быть не могло.

Приведем некоторые примеры. 2 июня 1942 года с санкции военного прокурора В.А. Шатохина был арестован и отдан под суд военного трибунала красноармеец 153-й танковой бригады, размещенной в Карсунском сельском районе, С.А. Воронов. Он открыто восхвалял гитлеровскую армию, высказывал сомнение в победе Красной Армии, клеветал на Совинформбюро, называя все, что говорилось им «ложью». Красноармеец 12-го понтонно-мостового батальона, размещенного в селе Белый Ключ, М.Н. Кондрашов был арестован за то, что, находясь на излечении в военном госпитале, «высказывал террористические настроения к командно-политическому составу РККА», говоря о том, что «там кругом одни бездары и трусы»¹⁹.

Нередко в высказывании подобных настроений были замечены курсанты военных училищ и даже офицеры. 12 августа 1942 года были арестованы курсанты Ульяновского пехотного училища В.И. Гайдич и И.И. Киселев, курсант Ульяновского танкового училища В.Ф. Захаров за «высказывание пораженческих настроений, контрреволюционную агитацию среди сокурсников». По этим и другим делам военные трибуналы практиковали проведение открытых заседаний, которые имели немаловажное воспитательное значение для других военнослужащих²⁰. Как правило, эти показательные заседания военных трибуналов заканчивались вынесением смертных приговоров и расстрелом перед строем.

В августе 1942 года военный прокурор Ульяновского гарнизона лично расследовал дело по обвинению слушателя офицерских курсов «Выстрел» младшего политрука И.С. Могилевского, который высказывал не просто «пораженческие настроения», а «вражеские взгляды», открыто проводил антивоенную, профашистскую агитацию среди своих офицеров-сокурсников, среди некоторой части населения города Ульяновска, был замечен в «пораженческих взглядах» при выезде в сельскую местность, где он в разговорах с колхозниками их неоднократно высказывал. Он не только восхвалял фашистскую армию, но и предрекал «скорые бои на улицах Ульяновска». Говорил о том, что наши «фанерные истребители немцы сбивают одним выстрелом». Нередко утверждал, что немецкие офицеры подготовлены лучше. Предрекал, что как только части Красной Армии сдадут Ростов и Сталинград, Советскому государству придет «конец». Кроме того, в ходе допросов, которые проводил вместе со следователем лично военный прокурор, со слов бывшего политрука выяснилось, что «...все казачество враждебно к Советской власти и только ждет прихода немцев, чтобы поднять восстание». Высказывал он также и недовольство бытовыми условиями, говоря о том, что «нас кормят хуже, чем свиней». По итогам этого дела командование ульяновских курсов «Выстрел» по представлению военной прокуратуры было отстранено от занимаемых должностей и отдано в полном составе под суд военного трибунала, а сами курсы были расформированы, и на их месте была создана новая воинская часть²¹.

Не следует считать, что факты антивоенной, профашистской пропаганды и агитации были безобидным «ворчанием» уставших от тягот военной жизни местных жителей. Как показало проведенное следствие, в 26-м отдельном учебном танковом полку под воздействием антивоенной агитации и неудовлетворительных социально-бытовых условий перед отправкой на фронт сразу дезертировало 11 курсантов, при-

званных из сел Ново-Малыклинского района²². И такие случаи были далеко не единичны. А опыт развала русской армии в период Февральской революции наглядно говорил о том, насколько в период войны антигосударственная пропаганда в армии может быть опасна.

В фонде 17-го Российского государственного архива социально-политической истории удалось обнаружить документы, свидетельствующие о появлении в 1941-1942 годах в селах Карсунского, Сенгилеевского и Сурского районов вражеских агитаторов, которые призывали крестьян отказаться от работы в колхозах, портить технику, саботировать указания властей. В Ишеевском и Сталинском районах было отмечено распространение вражеских слухов о приближении германских войск к границам Куйбышевской области и Ульяновского округа. НКВД неоднократно получал сведения о враждебных настроениях в колхозной среде²³.

Приведем конкретные примеры. В конце 1941 года сотрудники НКВД и военнослужащие Ульяновского гарнизона приняли участие в поимке группы вражеских диверсантов, заброшенных в районе Ставрополя-на-Волге (ныне Тольятти). В итоге усилиями контрразведки и личного состава истребительных батальонов группа диверсантов, выброшенная на парашютах с немецкого самолета, была задержана. Оказалось, что группу диверсантов составляли бывшие военнопленные красноармейцы, которые на почве недовольства Советской властью перешли на сторону врага. Среди них были бывшие старшие лейтенанты Евстюхин, Атрахин, красноармеец Тихонов. Впоследствии военный трибунал Куйбышевского гарнизона приговорил всех троих к расстрелу²⁴.

Опаснейшим фактом антивоенной агитации можно считать случай, произошедший в 12-м инженерном полку, размещенном в Заволжском районе города Ульяновска. Здесь 15 августа 1942 года сразу несколько красноармейцев попытались в групповых беседах высказать антивоенные и антисоветские настроения, где они не только восхваляли фашистский режим и принижали мощь Красной Армии, но и подбивали сослуживцев дезертировать перед отправкой на фронт. Военной прокуратуре гарнизона при участии особого отдела и «СМЕРША» пришлось в этом полку проводить серьезную чистку, несколько десятков красноармейцев и младших командиров были арестованы и отданы под суд военного трибунала, часть из них были по приговору военного трибунала расстреляны перед строем²⁵.

Следует сказать о том, что вражеская пропаганда в прифронтовых областях не отличалась особой эффективностью, однако в ряде случаев достигала своих целей, особенно в 1941-1942 гг.,

когда гитлеровцы на фронтах Великой Отечественной войны достигли некоторых успехов. Именно в это время, как видно на примере Ульяновского округа, вражеская пропаганда на ряде предприятий в воинских частях, размещенных в г. Ульяновск и округе, находила заинтересованных лиц. В ряде колхозов и совхозов Ульяновского округа были также случаи невыхода на работу по т.н. политическим мотивам²⁶.

Приведем некоторые малоизвестные примеры. В 1941-1942 гг. имели место факты дезертирства не только рядовых красноармейцев, но и даже младших командиров. Так, 6 января 1942 г. из расположения 21-го отдельного запасного полка связи, размещенного в городе Карсуне, дезертировали мл. сержант Ситников и курсант Козубенко. Нередко красноармейцы дезертировали с оружием²⁷. Чаще всего пойманных дезертиров расстреливали без суда и следствия прямо на месте преступления.

Случаи дезертирства наблюдались и среди курсантов. 25 апреля 1942 года по докладу начальника Ульяновского пехотного училища подполковника Стеньшинского было возбуждено дело о дезертирстве курсантов Артемова и Куценко, которые покинули свои посты с оружием²⁸. Проведенная по этим фактам прокурорская проверка показала, что условием для совершения этого и других подобных преступлений была элементарная халатность ответственных должностных лиц. В то время с дезертирами не церемонились. Самой мягкой мерой наказания, которую пойманным дезертирам определял военный трибунал, была отправка в штрафные части, которые использовали на самых сложных участках фронта²⁹. Нередко приходилось разбираться также с красноармейцами, которые в преступных целях совершали самострелы для того, чтобы уклониться от отправки на фронт³⁰.

Фашистские агитаторы стремились дезорганизовать работу промышленных предприятий, колхозов и совхозов, в частности в Ульяновском округе в 1941-1942 гг. Так, некоторые рабочие и сотрудники ИТР ульяновских оборонных предприятий высказывали пораженческие настроения, призывали к забастовкам с целью добиться улучшений условий труда. По ходатайству дирекции одного из ульяновских предприятий 5 августа 1942 года был арестован рабочий В.М. Димитрович за то, что он «восхвалял гитлеровскую армию, высказывал пораженческие настроения», призывал рабочих к забастовке³¹. 7 августа 1942 года за высказывание пораженческих настроений был арестован механизатор Карсунской МТС И.Ф. Алешко, а вместе с ним еще 6 человек, поддавшихся на провокационные высказывания Алешко³².

Таким образом, злонамеренная вражеская пропаганда в годы войны, наложенная на

сложные социально-экономические условия, в которых оказалось население СССР, вполне могла спровоцировать массовые антигосударственные выступления. И только целенаправленная организационная работа, воспитательные мероприятия советского руководства, другие организационные меры помогли избежать самых худших социальных и политических последствий.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 г. / Сост., послесл., примеч. С.М. Исхакова. М.: Книга, 1991; *Ефимов Ю.Д.* Симбирск в годы Первой мировой войны (1914-1918). Самара, 2006.
- ² Там же. С.22-24.
- ³ *Авторханов А.* Империя Кремля. Нью-Йорк, 1954; *Его же.* Технология власти. Нью-Йорк, 1959; *Боффа Д.* История Советского Союза. В 2 т. Т.2. М., 1989.
- ⁴ Tear Off the masks. Identity and imposture in twentieth-century Russia. Budapest, 1994. 344 p.
- ⁵ *Анисков В.Т.* О бедной деревне замолвите слово: 1941-1945. Социальная жертвенность и судьбы крестьянства. Вологда - Ярославль, 1996; *Его же.* Трехдневная несправедливость к крестьянству // Урал в стратегии Второй мировой войны. Материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 55-летию Победы в Великой Отечественной войне. Екатеринбург, 2000. С.112; *Погребняк А.И.* Продовольственные трудности и голод в 1941-1945 гг. // Уроки Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: историко-филос. проблемы: Сб. науч. материалов. Красноярск, 2000. С.12-14.
- ⁶ *Шишков В.Е.* Советское общество в первые месяцы

- Великой Отечественной войны. М., 2015.
- ⁷ Там же. С.144-146.
  - ⁸ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф.17. Оп.88. Д.45. Л.2-3, 27, 29-30.
  - ⁹ *Шайнак Л.А.* Война, народ, армия. Ульяновск: УлГУ, 2008. С.78-80.
  - ¹⁰ Воспоминания Г.В. Решетина // Москва военная. М., 1995. С.111.
  - ¹¹ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф.4. Оп.39. Д.1. Л.12-14.
  - ¹² РГАСПИ. Ф.17. Оп.88. Д.45. Л.2-3, 27.
  - ¹³ *Микоян А.И.* Так было. М.: Вагриус. 1999. С.419-420.
  - ¹⁴ *Верт А.* Россия в войне 1941-1945 гг. М., 1967. С.158.
  - ¹⁵ Кузница победы: Подвиг тыла в Великой Отечественной войне. Очерки и воспоминания. М., 1980. С.22.
  - ¹⁶ Москва прифронтовая. 1941-1942. М., 2001. С.261.
  - ¹⁷ РГАСПИ. Ф.17. Оп.88. Д.45. Л.29-30.
  - ¹⁸ Преступления подобного рода в годы войны рассматривались именно военным трибуналом. – Г.З.
  - ¹⁹ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). Ф.198. Оп.480348. Д.5. Л.25.
  - ²⁰ РГАСПИ. Ф.17. Оп.123. Д.311. Л.27.
  - ²¹ ЦАМО РФ. Ф.198. Оп.480348. Д.5. Л.81.
  - ²² Там же. Л.112.
  - ²³ РГАСПИ. Ф.17. Оп.123. Д.311. Л.27.
  - ²⁴ ЦАМО РФ. Ф.198. Оп.480348. Д.5. Л.74.
  - ²⁵ РГАСПИ. Ф.17. Оп.123. Д.311. Л.27.
  - ²⁶ РГАСПИ. Ф.17. Оп.43. Д.781. Л.78-80.
  - ²⁷ Там же. Л.23.
  - ²⁸ РГАСПИ. Ф.17. Оп.123. Д.311. Л.171.
  - ²⁹ ЦАМО РФ. Ф.198. Оп.480348. Д.5. Л.72.
  - ³⁰ РГАСПИ. Ф.17. Оп.123. Д.311. Л.9-11.
  - ³¹ РГАСПИ. Ф.17. Оп.43. Д.781. Л.41.
  - ³² РГАСПИ. Ф.17. Оп.123. Д.311. Л.54.

THE ROLE AND PLACE OF IDEOLOGICAL WORK IN PSYCHOLOGICAL CONFRONTATION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

© 2017 G.D. Zadvornov

Ulyanovsk State Pedagogical University named after I.N. Ulyanov

The article deals with the role, place, and purpose of the ideological agitation and propaganda work with the population in the times of military confrontation; the author compares the factors and conditions in the organization of ideological rivalry in the Russian empire during the First World War and in the USSR during the Great Patriotic War. The article contains a number of interesting facts and examples of ideological confrontation in the Ulyanovsk region (Ulyanovsk area until 1943) during the Great Patriotic War.

Keywords: propaganda, agitation, ideological priorities, panic moods, counter-propaganda, Soviet village, moral unity, party propaganda, moral and political eagerness, political goals, heroic labor.